Парадоксально, но письма Петрова эволюционировали в направлении, некогда, в 1785 г., предлагавшемся Карамзиным. Тематика, стилистика, эмоциональный тон писем теперь во многом определяются воздействием сентиментальной литературы. Мы найдем в них сердечное признание, мотивы дружбы и воспоминания («как одного из лучших 〈...〉 удовольствий») (С. 509), так характерные для дружеского письма последней четверти XVIII в., и писем Карамзина к Петрову, в частности: «Четыре уже месяца, как мы расстались, а я теперь только в первый еще раз пишу к тебе. Но ты весьма ошибаешься, если заключишь из этого, будто я мало о тебе помню. Нет, любезный друг, вспоминание о тебе есть одно из лучших моих удовольствий. Часто я путешествую за тобою по ландкарте; расчисляю, когда куда мог ты приехать, сколько там пробыть; вскарабкиваюсь с тобою на высокие горы, воображаю тебя бродящего по прекрасным местам или делающего визит какому-нибудь важновидному ученому» (С. 509). Вероятно, Карамзин не случайно включил этот отрывок из письма от 20 сентября 1789 г. в «Цветок на гроб моего Агатона». В письмах Петрова Карамзин видел «зеркало» его «тихой, стройной души».[27]

Внутренняя жизнь Карамзина в этих «частях» «романа» отражена скупо. Но и по немногим деталям можно видеть, что именно в 1788—1792 гг. достраивается его литературный облик. Меланхолик и мечтатель наконец-то становится любителем сельского уединения и врагом света (сравним две реплики Петрова, разделенные пятью годами: «Не хочу доказывать тебе несправедливость твоего равнодушия к приятностям сельским 〈...〉 Позволь только спросить у тебя: как может находить вкус в беллетрах, в искусственном подражании прекрасной Натуре тот, кто в самом оригинале не находит приятностей» (С. 505) и «...я надеюсь, теперь и живешь уже в деревне. O terque quaterque beatus!!! (О трижды, четырежды блаженный!!!) (*латин.*). Удели и мне частицу своего блаженства...») (С. 510).

«Роман в письмах» остался незаконченным. Карамзин «дописал» его уже после смерти Петрова. Он оплакал любимого друга в «Цветке на гроб моего Агатона»,[28] он заказал у Германа «прекрасный силуэт Александра Андреевича, который всегда» носил «в кармане».[29] Утрата была невосполнимой: «Я имею друзей сердца, которые меня любят, и мне всего на свете милее, но дух мой лишился любезнейшего своего брата и совоспитанника, которого никто, никто заменить не может!»[30]

---

[27] *Карамзин Н М* Цветок на гроб моего Агатона С 234—235

[28] См *Кочеткова Н Д* Литература русского сентиментализма С 232—234

[29] Письма Н М Карамзина к И И Дмитриеву С 38

[30] *Карамзин Н М* Цветок на гроб моего Агатона С 237